

УДК 811.511.13

К СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ПЕРМСКОЙ ЭТИМОЛОГИИ

В.В. ПОНАРЯДОВ

Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар

vadim.ponaryadov@yandex.ru

Статья посвящена анализу современного состояния пермских этимологических исследований и постановке приоритетных задач для будущего их развития.

Ключевые слова: пермские языки, этимология

V.V. PONARYADOV. TOWARDS IMPROVING PERMIC ETYMOLOGY

The analysis of the current state of Permic etymological researches is given and priority problems for future etymological investigations in Permic studies are set.

Key words: the Permic languages, etymology

Пермская и особенно коми этимология имеют давнюю традицию научной разработки, и в этой области достигнуты значительные успехи. Не будет преувеличением сказать, что из всех финно-угорских языков России пермские являются ныне этимологически наиболее изученными. Появившийся в 1970 г. «Краткий этимологический словарь коми языка» В.И. Лыткина и Е.С. Гуляева [1] вот уже 40 лет не только верой и правдой служит финно-угроведам благодаря неплохому (несмотря на декларированную в названии «краткость») охвату лексического материала, взвешенности суждений, а также, не в последнюю очередь, удачному построению. Он широко привлекается как источник уральского лексического материала лингвистами других направлений. Начал издаваться многотомный удмуртский этимологический словарь [2]. Важное место занимают пермские материалы и в общих работах по уральской исторической лексикологии, среди которых прежде всего следует упомянуть «Уральский этимологический словарь» К. Редеев [3].

В то же время внимательное рассмотрение содержащихся в стандартных работах и потому часто являющихся объектом вторичного цитирования пермских этимологий показывает, что не все они одинаково надежны. Кроме того, значительная часть пермской лексики остается до сих пор этимологически не объясненной. Таким образом, при всех своих достижениях пермская этимология нуждается в совершенствовании. Рассмотрим ее слабые места подробнее.

Наиболее системный характер имеют случаи недостаточной объяснительной силы праязыковых реконструкций, возникающие из-за несовершенств разработки пермской и, шире, финно-угорской исторической фонетики, особенно вокализма. Показательным примером может быть одинаковая реконструкция прафинно-угорских архетипов слов 'стре-

ла' и 'лизать' как **hōle* [1, с. 197, 199; 3, S. 317, 321], хотя одинаковый гласный в этих словах обнаруживают лишь прибалтийско-финские языки (фин. *nuoli, nuolla*), а в пермских, волжских и угорских вокализм различен (коми *ньёв, нювны*; эрзя *нал, ноламс*; венг. *nyíl, nyalni*). Ясно, что в подобных случаях коррекции требует не только восстановление облика конкретных архетипов, но и вообще вся принятая в современном финно-угроведении теория праязыкового вокализма. Следует отметить, что П. Саммаллахти, различающий разные хронологические уровни праязыковой реконструкции, на основе самодийских соответствий предлагает здесь для прауральского реконструкции предлагает здесь для прауральского реконструкции предлагает здесь для гласными **hixli* и **hāxli*, но досадным образом на этом останавливается и, вопреки фактам, для прафинно-пермского традиционно предполагает в обоих случаях совпадение в **hooli* [4, р. 539].

Особые проблемы связаны с прапермской вокалической реконструкцией, существующей ныне в нескольких вариантах, общей чертой которых является многочисленность реконструируемых прафонем и малая типологическая правдоподобность при неспособности в то же время объяснить все наблюдающиеся межпермские звукосоответствия. Нужно отметить, что все современные прапермские реконструкции традиционно «комицентричны». Это выражается, например, в том, что с опорой на коми материал реконструируются противопоставления открытых и закрытых гласных среднего подъема, которые не обнаруживают никаких следов различия в удмуртской ветви, но в то же время во многом похожее распределение удмуртских *e* и *o* на месте коми *e* (исторически как открытого, так и закрытого) не находит отражения в прапермской реконструкции, объясняясь через спорадическое «расщепление». Недавно М.А. Живлов показал, что открытость и закрытость пракоми гласных на самом деле

может быть объяснена в большинстве случаев фонетическим окружением, и лишь перед непалатализованными взрывными, носовыми и *r их распределение комбинаторно непредсказуемо [5]. Это может указывать на вторичное происхождение противопоставления по открытости/закрытости. С другой стороны, В.В. Понарядов продемонстрировал позиционно обусловленный характер появления удмуртских гласных а и у в соответствии с коми а, что позволяет отказаться от реконструкции особой фонемы *ā в пермском праязыке [6]. Таким образом, появляются перспективы сокращения прапермского инвентаря гласных фонем, что должно привести реконструируемую вокалическую систему к большому типологическому равновесию.

Что касается отдельных этимологий, то в некоторых случаях стандартные руководства предлагают явно ошибочные решения, которые, тем не менее, продолжают повторяться из работы в работу. Особенно опасны случаи, когда сопоставляются действительно семантически и фонетически похожие слова, но при этом грубейшим образом нарушается основополагающий для сравнительно-исторического языкознания принцип регулярности фонетических соответствий. Показательным примером является повторяющееся во многих работах сопоставление коми са, удм. су 'сажа' с мар. шўч, морд. сод 'то же' [1, с. 248; 3, S. 769]. Полное совпадение семантики не должно затуманивать того факта, что фонетическое сходство этих слов не укладывается ни в какую регулярную систему: гласные коми а, удм. у обычно не могут соответствовать морд. о, а согласный мар. ч нормально не является соответствием пермского нуля и морд. д. Очевидно, для коми са, удм. су следует ожидать те же марийские и мордовские фонетические соответствия, что и в других словах аналогичной фонетической структуры, например, коми ва, удм. ву 'вода', коми ма, удм. му 'мед'. Последним словам родственны мар. вўд, мўй и морд. ведь, медь. Легко вычислить, что коми са, удм. су требуют соответствий мар. *шўд или *шўй и морд. *сeдь. И действительно, в словарях находим мар. шўй и морд. сeдь 'уголь', которые, очевидно, и должны быть признаны реальными когнатами пермских слов вместо указываемых в словарях шўч и сод, этимологическая связь которых с пермскими словами оказывается ошибочной.

Коми вом, удм. ым 'рот' посредством сопоставления с формами типа мар. ан 'отверстие', саам. vuoljás 'намордник', нган. џааџ 'рот' часто возводят к общему прауральскому архетипу *aŋe [1, с. 62; 3, S. 11]. Однако допермский заднеязычный носовой согласный *ŋ в южноудмуртских диалектах нормально всегда сохраняется, а в других диалектах удмуртского и коми языков дает перебой м ~ н, в то время как в рассматриваемом слове пермских языков во всех диалектах стабильно представлен только м. Кроме того, коми-удмуртское вокалическое соответствие указывает на прапермский гласный *ō, который нормально восходит только к допермским гласным переднего ряда, чаще всего к *е. Таким образом, пермское слово не может происхо-

дить из *aŋe ни с точки зрения консонантизма, ни с точки зрения вокализма. Наиболее вероятным образом его допермский источник мог выглядеть как *eme. Возможно, далее эту форму следует этимологически увязывать с прауральским архетипом *ime- 'сосать' [3, S. 82], рефлексy которого широко представлены в прибалтийско-финских, угорских и самодийских языках. Хотя определенные сложности с вокализмом при таком сопоставлении еще остаются, они явно меньше, чем в случае возведения к *aŋe. Проблемы же с консонантизмом в предлагаемом решении исчезают полностью.

Иногда необычность фонетических соответствий заставляет подозревать, что определенное слово не унаследовано напрямую из праязыка, а является заимствованием из какого-то близкородственного idioma. Так, удм. лым 'бульон' связано с родственными лексемами фин. liemi, морд. лем, мар. лем совершенно регулярными вокалическими корреспонденциями, но предположительно этимологически относящееся сюда же коми диал. лем 'студенистый, застывший навар (напр. рыбный, мясной)' фонетически совершенно аномально. Существует версия о деформации этого коми слова под влиянием восходящей к другому допермскому источнику лексемы лем 'клеи' [1, с. 159]. Однако следует считать также с возможностью раннего марийского или мордовского заимствования. Подобные случаи, остающиеся пока совершенно неизученными, настоятельно требуют отдельного выявления и систематизации.

В некоторых случаях этимологические слова при неоправданно разводят по разным словарным статьям единые по происхождению лексемы. Едва ли правомерно, например, кочующее по разным работам генетическое отделение коми существительного дор 'край, сторона' от имени-послелога дор 'место возле, около чего-л.' [1, с. 95; 3, S. 512, 795]. Более сложный пример подобного рода представляют собой отношения между коми кабыр 'кулак, горсть' и (засвидетельствованным в словаре Ф.И. Видеманна [7, S. 92], но отсутствующим в более современных лексикологических источниках) камыр 'горсть'. Первое слово К. Редеев возводит вместе с фин. koura к праформе *kopra, а второе – вместе с саам. goabmer, морд. коморо, комор к архетипу *komз(rз) [3, S. 175, 183]. Вероятно, на самом деле в обоих случаях имеют место продолжения единого прауральского источника, который мог выглядеть как *komrз. Между двумя сонорными имел тенденцию факультативно появляться эпентетический взрывной согласный *b, так что в коми кабыр сочетание *-mb- в соответствии с регулярной закономерностью претерпевало деназализацию, а в финском koura согласный *-m- выпадал в связи с запретом на трехсогласные кластеры. Одновременно продолжала существовать форма без эпентезы, которая и дает рефлексy типа коми камыр, морд. коморо.

Несомненна необходимость расширения этимологического охвата пермского материала. По нашим подсчетам, только две трети потенциально нуждающейся в этимологизации лексики коми ли-

тературного языка охвачено этимологическими словарями. В удмуртском языке, серийное издание этимологического словаря которого прервалось после выпуска первого тома [2], историческая исследованность словарного состава гораздо хуже. Совершенно недостаточно разработана лексика коми и удмуртских диалектов, не имеющая соответствий в литературных языках.

Во многих случаях возможно углубление этимологической разработки отдельных лексем. Так, коми *кок*, удм. *кук* 'нога' возводится исследователями на прапермский уровень [1, с. 129], но более ранняя история этого слова, несмотря на его важное положение в системе пермских соматических названий, остается непроясненной. В.И. Абаев отмечает сходство коми слова с осет. *къах* 'нога'. Таким образом, оно может оказаться еще одним пермским иранизмом. Однако проблема осложняется тем, что осетинское слово в иранских языках изолировано, но находит параллели в соседних горских языках Кавказа, ср. чечен., ингуш. *ког*, даргин. *къаиш* 'то же' и др., откуда скорее всего и заимствовано [8, с. 619]. Поэтому вопрос требует дальнейшего изучения.

Новой ревизии требует контактная лексика, связывающая пермские языки с чувашским. По-видимому, этот пласт выявлен далеко не полностью, но, кроме того, даже среди уже известных схождений многие слова, рассматривающиеся в пермистике как чувашизмы (или, в другой терминологии, болгаризмы), парадоксальным образом не имеют тюркской этимологии и, таким образом, сложно признать их в чувашском языке и близкородственных ему древних болгарских диалектах исконными. Более того, часть подобных слов считается в чувашских этимологических словарях [9; 10] заимствованной из пермских языков. Если для пермских слов альтернативно предлагаются, наряду с версиями о болгарском заимствовании, финно-угорские этимологии, то при отсутствии тюркских этимологий у их чувашских коррелятов именно финно-угорское происхождение должно считаться более вероятным. Однако нередко общая чувашско-пермская лексика не может быть удовлетворительно выведена ни из тюркских, ни из финно-угорских источников. Возможно, здесь мы имеем дело с древним субстратным наследием палеоевразийских языков, распространенных в Волго-Камье еще до появления в этом регионе не только тюрков, но и финно-угров. Даже тогда есть шансы путем исследования сохранившейся в чувашском и пермских (а также других поволжских финно-угорских языках) субстратной лексики установить генетическую связь ее источника (или источников) с

какими-то иными языками, и развитие работ в этом направлении представляется крайне желательным.

Итак, несмотря на достигнутые успехи, пермская этимология ныне пребывает в далеко не удовлетворительном состоянии. Требуют уточнения как основополагающие для нее элементы реконструкции прафинно-пермской и прапермской фонетических систем, так и в ряде случаев частные этимологические решения при исследовании истории отдельных слов. Также необходимо расширение корпуса этимологизируемой лексики. Только интенсификация исследований в указанных направлениях позволит пермской этимологии сохранить передовые позиции, которые она занимает в мировом финноугроведении.

Литература

1. *Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970.
2. *Алатырев В.И.* Этимологический словарь удмуртского языка. Буквы А, Б. Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1988.
3. *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1988.
4. *Sammallahti P.* Historical phonology of the Uralic languages // Sinor D. (ed.) The Uralic Languages. Description, History and Foreign Influences. Leiden: Brill, 1988. P. 478-554.
5. *Zhivlov M.* Studies in Uralic vocalism I: A more economical solution for the reconstruction of the Proto-Permic vowel system // J. Language Relationship. 2010. 4. P. 167-176.
6. *Понарядов В.В.* Некоторые вопросы истории пермского вокализма // Динамические процессы в системах пермских языков (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН; Вып. 68). Сыктывкар, 2011. С. 63-70.
7. *Wiedemann F.J.* Syrjänisch-deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutschen im Anhang und einem deutschen Register. St. Petersburg, 1880.
8. *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. А – К'. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1958.
9. *Егоров В.Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1964.
10. *Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка. В 2-х тт. Т. 1. А – Р. Т. 2. С – Я. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996.

Статья поступила в редакцию 08.06.2012.